

Тучка над пустым домом

Наталья Шпетная

*По мотивам повести А. Приставкина
«Ночевала тучка золотая»*

Наталья Шпетная

Тучка над пустым домом

«Автор»

2026

Шпетная Н. К.

Тучка над пустым домом / Н. К. Шпетная — «Автор», 2026

«Тучка над пустым домом» — рассказ о том, как из детской памяти, войны и кавказской тишины рождается книга, ставшая событием. Это история создания повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» — через судьбу мальчика, через чужой дом, через боль, которую невозможно было больше держать в молчании.

© Шпетная Н. К., 2026

© Автор, 2026

Наталья Шпетная

Тучка над пустым домом

Тучка над пустым домом

Когда Анатолий Приставкин много лет спустя пытался объяснить, откуда взялась его повесть, он не говорил о замысле, не раскладывал по полкам композицию и не ссылаясь на литературную моду. Он обычно замолкал, будто прислушивался к чему-то очень старому и неудобному, и потом отвечал просто: из памяти.

Память у него была не мягкая, не уютная, не из тех, что пахнут бабушкиным вареньем и полированным комодом. Его память пахла дымом, мокрой овчиной, угольной пылью, детским голодом и чужими домами. Она начиналась там, где кончалось детство как таковое, – в войну, в сиротстве, в тех годах, когда мальчишка слишком рано понимает: мир не обязан быть справедливым.

Толя Приставкин родился в 1931 году в подмосковных Люберцах, в рабочей среде, среди фабричного гудка, вагонеток, тесных дворов и вечной нехватки всего на свете. Детство его было недолгим и, как у многих ребят того поколения, было перебито войной. Семья распалась, родители рано ушли из его жизни, и мальчик оказался в детском доме. Там, в длинных коридорах с облупленной краской, он быстро усвоил то, чего не учат ни в школе, ни в жизни приличных людей: как делить хлеб на тонкие ломтики, как не показывать, что страшно, и как смеяться первым, чтобы не засмеялись над тобой.

В детдоме у голода есть свой язык. Он говорит гремящей посудой, жидкой баландой, подшитыми заново штанами, дракой за лишнюю корку. А еще он говорит шепотом.

– Толик, – шептал ему однажды сосед по койке, худющий мальчишка с узкими плечами, – если сегодня дадут кашу, не торопись. Сначала понюхай.

– Зачем?

– Чтобы понять, отрава или нет.

– Дурак, – отвечал Толик, но нюхал.

В этих смешных, почти клоунских разговорах была та детская мудрость, которая удерживает человека на краю беды. Они шутили о чем угодно: о кирзовых ботинках, которые стояли по углам, как отдельный вид мебели; о директоре детдома, похожем на рассерженного филина; о том, что в супе плавают больше воды, чем картошки, а картошка, наверное, живет своей скрытой жизнью и просто не любит показываться людям.

Но шутки кончались, когда приходили эшелоны.

В сорок четвертом году, после выселения чеченцев и ингушей, советская власть расселила на опустевших землях чужих людей – в том числе и детей-сирот, отправленных на Кавказ из московских детских домов. Эта история долго потом лежала под спудом, как вещь, о которой в приличном доме предпочитают не вспоминать. Для государства переселение было мероприятием. Для детей – началом новой, неведомой вины.

Их везли долго, тесно, с остановками, с запахом дыма, железа и чужой мочи в вагоне. Окна были так залеплены ином, что мир за ними казался не дорогой, а белой царапиной. Мальчишки по очереди дышали на стекло и рисовали пальцем рожицы, солдатские звезды, смешные усы, пока старшая не прикрикнет:

– Ну, цирк закрыли! Спать!

– Да мы и не открывались, – огрызнулся кто-то.

Им было все равно, куда их везут, – до тех пор, пока поезд не остановился среди гор.

Кавказ встретил их не картинкой из открытки и не песней, а тишиной. Слишком большой, слишком внимательной тишиной. Дома стояли пустые, с распахнутыми дверями, как

будто люди вышли из них на минуту и не вернулись. На столах местами еще лежала посуда, в углах – забытые детские игрушки, в печах – зола. В садах висели сухие яблоки, чернели виноградные лозы, на стенах сохли половики. И никакой хозяйской руки, никакого голоса, только ветер, который входил в окна как безбилетник.

Толик впервые увидел тогда, что значит отсутствие. Не бедность – отсутствие. Бедность можно пережить, к ней можно привыкнуть. Отсутствие – это когда в доме есть ложка, а человека, который ел этой ложкой, нет. Когда у порога стоит детский ботинок, но внутри ботинка уже пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.